

ПЕРВАЯ ДИСКУССИЯ ПО «ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПОХИ (К СПОРУ Г.Ф. МИЛЛЕРА И М.В. ЛОМОНОСОВА)*

В статье предложена реконструкция интеллектуального пространства, в котором состоялись дебаты между Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым по варяго-русскому вопросу. Под интеллектуальным пространством понимается комплекс идей, дискурсов, объяснительных стратегий и понятий, известных участникам дискуссии. Автор приходит к выводу, что интеллектуальное пространство было общим для обоих ученых. Определяющее влияние на направления поисков историков оказывал античный дискурс, который выражался в стремлении проследить историю русского народа в античную древность.

Ключевые слова: история исторической науки, историческая мысль XVIII в., античный дискурс, информационное пространство истории

Об авторе: Соколов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). Россия, 620137, г. Екатеринбург, ул. Сулимова, 65-41. srg.sokolov@gmail.com

Каждый период в истории отличается своими особыми концепциями, понятиями, дискурсами, трендами. Изучение этой совокупности идей, характерных для той или иной эпохи, является важной задачей историка и отлично соответствует принципу историзма, постулирующему изменчи-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по программе государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации (договор № 14.125.13.4207-МК).

вость исторической реальности, особую суверенность каждой эпохи, ее исключительность и неповторимость.

На мой взгляд, именно исследование дискурсов и трендов является одним из наиболее плодотворных направлений истории. Дискурсы могут определять не только, как говорить, но и о чем говорить, то есть формировать определенные темы. Эта установка применима, конечно, не только к истории, но и к современной информационной среде. Вообще, понятия интеллектуальное пространство и информационное пространство сближаются, когда речь заходит о причинах обращения к определенным темам. В конечном счете, реконструкция интеллектуального пространства конкретной эпохи – это выявление источников тех идей, которые отражены в произведениях авторов рассматриваемой эпохи.

Предлагаемая статья является попыткой реконструкции интеллектуальной истории одной дискуссии (между Г.Ф. Миллером и М.В. Ломоносовым). В рамках данной статьи хотелось бы представить спор двух ученых не столько с точки зрения верифицируемости выводов каждого историка или их гражданской позиции, а как веху в интеллектуальной истории, взяв в качестве предмета исследования интеллектуальные истоки тех концепций и идей оппонентов, которые обсуждались на заседаниях Академического собрания. Нельзя сказать, что подобные попытки не предпринимались в историографии. Отличный пример являет собой недавняя работа С.И. Маловичко, в которой диспут Миллера и Ломоносова рассматривается, как конфликт разных историографических культур¹. В этой работе автор, не исследуя выводы противников с точки зрения истины, пытается показать, что столкновение Миллера и Ломоносова было обусловлено их принципиально разными подходами к писанию истории: целью Ломоносова являлось формирование картины прошлого, которая должна вдохновлять современников через похвальный опыт; цель Мил-

¹ Маловичко С.И. 2010, 283-297.

лера – реконструкция исторической реальности. Автор видит и в том, и в другом диспутанте историка, но один из них представляется стремящимся к прославлению народа, а другой ищет истину.

Дискуссия Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова традиционно изучалась именно с точки зрения того, кто был в ней прав, а кто нет. Поскольку вопрос, дебатировавшийся в продолжении более чем двух десятков заседаний Санкт-Петербургской Академии наук, по-прежнему остается острым, оценивая роль каждого диспутанта, историки часто впадали в крайности. Н.В. Савельев-Ростиславич, писавший в середине XIX в., утверждал, что Миллер внес в нашу науку «скандинавское сказколюбие». «Взгляд Миллера, – считал Савельев, – должен вести неизбежно к превратному изображению всей нашей древности»². И.Е. Забелин особенно настаивал на отсутствии у М.В. Ломоносова каких-либо вненаучных мотивов для спора с Миллером: «...до сих пор, в главном деле, в возражениях Ломоносова не примечается никакого особого патриотизма. Он самым ученым образом рассматривает тезисы Миллера и раскрывает их несостоятельность или несообразность, раскрывает их посредственную ученость»³.

В.В. Мавродин в 1949 г., в символическую годовщину 200-летия дискуссии Миллера и Ломоносова, на волне компании против космополитизма выступил с антинорманистской лекцией. Он поддержал Ломоносова, солидаризовавшись с мнением о том, что Миллер написал «пасквиль на русский народ». Саму же дискуссию Мавродин рассматривал не иначе, как «начало борьбы с норманизмом»⁴. Сходным образом, разве что несколько мягче по риторике (все-таки это был уже 1961 г.) выступил М.Т. Белявский. Он писал, что «Ломоносовские замечания на диссертацию, его возражения и ответы Мил-

² Савельев-Ростиславич Н.В. 1845, XLIX.

³ Забелин И.Е. 1876, 79.

⁴ Мавродин В.В. 1949, 10.

леру показывают, что он не только правильно понял ее антинаучный характер и реакционные политические цели, но и вступил в борьбу с норманистами прекрасно подготовленным, обнаружив хорошее знание летописей и других доступных в то время источников»⁵. М.Н. Тихомиров утверждал, что Ломоносов «по своим историческим знаниям... стоял не ниже, а выше Миллера». «Новейшие изыскания показали, – считал Тихомиров, – как прав был Ломоносов в своих замечаниях на диссертацию Миллера»⁶.

Согласно Н.М. Карамзину, «Ломоносов хотел опровергнуть ясную, неоспоримую истину, что Рюрик и братья его были скандинавы», Миллер же, наоборот, эту истину отстаивал⁷. М.П. Погодин также упоминал дискуссию в контексте аргументации⁸. Достаточно интересными и необычными в общем контексте были историографические наблюдения П.Н. Милюкова, которые не только и даже не столько рассматривал аргументы участников дискуссии, сколько обращал внимание на истоки их взглядов. Правда, этот анализ был достаточно кратким и свелся к нескольким формулам. В частности, стиль Ломоносова Милюков называл «пухлым», «риторическим», рассматривал его сочинения как результат «приложения к области истории ложно-классических теорий», считал «типичным продуктом времени Елизаветы»⁹. Но были формулы вполне обычные. Так, Милюков считал, что Ломоносов «не был подготовлен» к занятиям историей.

В.А. Мошин, опубликовавший в 1931 г. одно из наиболее полных исследований дискуссии по варяго-русскому вопросу, касался, конечно же, и полемики Миллера с Ломоносовым. Он также упоминал прежде

⁵ Белявский М.Т. 1961, 93.

⁶ Тихомиров М.Н. 1962, 68, 70.

⁷ Карамзин Н.М. 1818, 63.

⁸ Погодин М.П. 1846, 135, 269.

⁹ Милюков П.Н. 1898, 34-36.

всего аргументы сторон и затронул мотивы М.В. Ломоносова, который, по его мнению, «не ограничился лишь научными доводами», а присоединил к ним обвинения Миллера в антипатриотизме¹⁰.

М.А. Алпатов обращал внимание прежде всего на то, что «варяжский вопрос родился не в сфере самой науки, а сфере политики. Став затем научным, он не только не утерял прямую связь с политикой, но, напротив, навсегда оказался связанным со жгучими политическими и национальными проблемами современности»¹¹. А.Б. Каменский обращал внимание на научное значение дискуссии. «Миллер, – считал он, – подходил к решению вопроса как ученый, а имеющиеся в его распоряжении источники (которые он, кстати, в то время знал лучше Ломоносова), иного решения не допускали»¹². Л.С. Клейн также анализирует прежде всего аргументы участников дискуссии, причем делает это с точки зрения науки своего времени (книга Клейна написана в 1960 г.). Проанализировав утверждения Ломоносова, Клейн приходит к выводу, что тому «не удалось убедительно доказать свои собственные положительные выводы по этому вопросу», хотя выводы Байера и Миллера и были результативно опровергнуты. Выступление Ломоносова, по мнению Клейна, было обусловлено его страстным патриотизмом, он «не мог потерпеть такого унижения национальной гордости россиян и злоупотребления фактами из русской истории»¹³. Е.А. Мельникова отмечала, что Ломоносов «широко прибегал к народным этимологиям», а его выступление в целом объясняется патриотическими мотивами¹⁴.

В целом можно сказать, что дискуссия Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова по варяжскому вопросу, состоявшаяся в 1749 – 1750 гг., вызвала живейшую

¹⁰ Мошин В.А. 1931, 123.

¹¹ Алпатов М.А. 1985, 9.

¹² Каменский А.Б. 1989, 146.

¹³ Клейн Л.С. 2009, 21-22.

¹⁴ Мельникова Е.А. 2009, 56.

полемику в историографии. Для антинорманистской позиции сторонников М.В. Ломоносова характерен пафос защитников славянства, подчеркивание способности славян к созданию государства. Сторонники «норманистской» позиции Г.Ф. Миллера указывают, что он стоял на позиции истинной науки, защищая ее от «ложно понятого патриотизма». Основные аргументы М.В. Ломоносова при этом рассматриваются как ненаучные.

С точки зрения истории идей важно выделить ключевые темы (в отношении истории Древней Руси), которые интересовали ученое сообщество в середине XVIII в. Эти темы были общими вне зависимости от того, кто выступал по конкретному предмету: Миллер, Ломоносов, Штрубе де Пирмонт, Татищев и т.д. Первой такой темой можно считать вопрос о происхождении имени народа.

В своей концепции происхождения имени *русь* Г.Ф. Миллер впервые соединил три элемента: финское название шведов (*ruotsalainen*), славянское *русь* и призвание варягов¹⁵. Во многом это было обусловлено тем, что Миллеру были известны две группы текстов: летописные, где происхождение имени *русь* связывалось с варягами и работы шведских историописателей XVII в., а также Г.З. Байера, в которых варяги отождествлялись со скандинавами.

В историографических исследованиях достаточно подробно освещен вопрос о том, как в историописании XVII – начала XVIII вв. возникает и развивается идея о скандинавском происхождении варягов. Еще А.Л. Шлёцер указывал, что шведские авторы этого периода: О. Верелий, О. Рюдбек, А. Моллер, А. Скарин, Э. Биорнер и др. выводили варягов из Швеции¹⁶. Первым из шведов к этой мысли, как отмечал А.А. Куник¹⁷, пришел П. Петрей в 1614 г.¹⁸

¹⁵ Миллер Г.Ф. 2006, 366-398.

¹⁶ Шлёцер А.Л. 1809, 367-368.

¹⁷ Куник А.А. 1878, 652.

¹⁸ Петрей П. 1867.

Версия шведских ученых XVII в. практически не была известна в России, что вполне понятно в силу периферийности для российской историографии интеллектуального пространства Скандинавии. Исключение – сочинения Ю. Крижанича, но он заявлял лишь о своем самом общем неприятии взглядов П. Петрея¹⁹. Для русского историописания XVI – XVII вв. этническое происхождение варягов Рюрика было не вполне ясным и не слишком интересным вопросом. Старый летописный пассаж, в соответствии с которым «ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовут ся свие, друзии же урмане»²⁰ и т. д. практически перестал воспроизводиться. Более значимым был вопрос о происхождении Рюрика, которого стали рассматривать как потомка римского императора Октавиана Августа²¹.

Как указывал М.А. Алпатов, Г.Ф. Миллер написал о скандинавском происхождении варягов еще в 1732 г. в издававшемся в Санкт-Петербурге на немецком языке журнале «Sammlung Ruischer Geschichte», то есть даже раньше Г.З. Байера²². Несмотря на то, что Байер не был первым, кто постулировал скандинавское происхождение варягов, он предложил наиболее значимую на тот момент систему аргументации (скандинавские имена князей, скандинавская этимология слова *варяг*, обоснование связи варягов с византийскими варангами и скандинавскими вэрингами, данные «Бертинских анналов»). При всем этом Г.З. Байер не утверждал скандинавское происхождение руси и имени *русь*. Имя *русь*, по мнению Байера, могло происходить от слова *рассеяние*. Ученый даже специально указывал, что имени *русь* в Скандинавии «не было ведомо», а потому «не от скандинавов было дано имя руссам»²³.

¹⁹ Крижанич Ю. 1965, 488, 502, 504, 624.

²⁰ Повесть временных лет. 2007, 13.

²¹ Дмитриева Р.П. 1955, 154.

²² Алпатов М.А. 1985, 19-20.

²³ Bayer T.S. 1741, 411.

Завершенный вид скандинавской концепции придал Г.Ф. Миллер. Отправной точкой для него стала «Повесть временных лет» (Миллер называл ее летописью Нестора). В отличие от шведских историописателей, которые не знали о связи варягов и руси, и от Г.З. Байера, Миллер вполне доверился сообщению летописца о том, что «от тех варягов находников прозвашася русь и оттоле словет Русская земля». Поскольку варяги были скандинавами, следовательно, по мысли Миллера, имя *русь* должно быть связано со Скандинавией. Однако, приняв поиски, Миллер, как он сам писал, не смог обнаружить в Скандинавии «сего имени следов»²⁴.

Чтобы устранить это противоречие Г.Ф. Миллер предложил гипотезу, которая легла в основу современной этимологии имени *русь*. Он отметил, что «финны шведов, неведомо по какой причине, и поныне называют *россами*, по их языку *россалейне*», в то же время современных русских именуя «*веннелейне*, то есть венедами». Следовательно, заключал Миллер, «новгородские славяне, услышав имя россов от финнов, оным всех из северных стран пришельцов нарицали, почему и варяги от славян россиянами названы. А потом и сами славяне, будучи под владением варягов, имя россиан приняли», так же, как галлы стали называться франками, а британцы англичанами²⁵.

Таким образом, Миллер первым в отечественной историографии указал на то, что имя *русь* появилось у восточных славян через посредство финнов. Почему Г.Ф. Миллер выдвинул эту гипотезу? Дело, вероятно, в том, что Миллер был знаком с соответствующими работами шведских авторов (Ю. Буре, И. Локций), которые пытались объяснить, почему финны называют Швецию *Ruotsi*. Ю. Буре в «своем словаре древнешведского языка выводил финское слово *Ruotsi* – от древних названий области Рослаген *Rodhen* и *Rodhzlagen*»²⁶. Побы-

²⁴ Миллер Г.Ф. 2006, 395-396.

²⁵ Миллер Г.Ф. 2006, 395-396.

²⁶ Шаскольский И.П. 1967, 132.

вавший в русском плену в период Северной войны шведский офицер Ф.И. Страленберг в своем историко-географическом сочинении о России, выпущенном в 1730 г., писал: «финны шведское государство Родслаген назвали (ибо шведское слово Родаре в немецком языке гребца значит)»²⁷. По-видимому, определяющим для Миллера было мнение Г.З. Байера. В статье «О варягах» Байер писал, что финны и эсты называют шведов «розалайн или рос народ»²⁸. Однако до утверждения о том, что славяне заимствовали имя *русь* для отделения шведов от финнов Байер не дошел.

Гипотеза Г.Ф. Миллера о происхождении имени *русь* от финского названия Швеции вызвала горячие возражения со стороны М.В. Ломоносова. Говоря о его собственной положительной концепции, Ломоносова чаще всего вспоминали, что он связал варягов со славянами, охарактеризовав последних как «славный», имевший «дальнюю древность» народ. Гораздо реже отмечалось, что М.В. Ломоносов связал первоначальную *русь* и роксолан²⁹. Мотивы, заставившие Ломоносова возражать Миллеру, обсуждались уже не раз и здесь трудно добавить что-либо новое. Иное дело вопрос о том, почему именно в роксоланах видел М.В. Ломоносов предков руси. Специального исследования данного вопроса не проводилось, исследователи ограничивались в лучшем случае констатацией того, что источником для Ломоносова послужил «Синописис», где роксоланы соотносились со славянами³⁰. Между тем, рассмотрение истоков представлений Ломоносова позволяет понять, почему спор по этому вопросу занимал ключевое место.

Думается, можно с полным основанием утверждать, что концепция, которой придерживался М.В. Ломоносов, была весьма популярной в ученом со-

²⁷ Страленберг Ф.И. 1986, 24.

²⁸ Байер Г.З. 1767, 30.

²⁹ Клейн Л.С. 2009, 22.

³⁰ Алпатов М.А. 1985, 66-67.

обществе Европы его времени. По-видимому, впервые роксолан и русских стали отождествлять в среде итальянских гуманистов в середине XV в. Наиболее раннее из обнаруженных отождествлений было сделано Э.С. Пикколомини, который в 1458 г. был избран папой римским под именем Пия II. Он указывал, правда, с некоторым сомнением, что «русские (которых Страбон, кажется, именует россанами) сопредельны с Литвой»³¹. Следующее упоминание роксолан как русских также происходит из Италии и принадлежит гуманисту Рафаэлю Маффеи, известному под прозвищем Волатеран. Он в 1506 г. писал, что предками русских являются те самые роксоланы, которые согласно Страбону «сражались с полководцами Митридата Евпатора»³².

Вероятно, от итальянских авторов это мнение распространилось в первой трети XVI в. по остальной Европе. Так, например, роксолан как русских рассматривал И. Фабри в своем сочинении «Религия московитов» (1525 г.). «Народы, – писал он, – теперь называемые нами общим именем московиты, некогда, по свидетельству Плиния, именовались роксоланами, коих, однако, Птолемей, изменив немного букву, на восьмой карте Европы называет росо-ланнами, а равно и Страбон... И они суть те самые народы, которые некогда, по сообщению Страбона, стойко сражались с полководцами Митридата Антипатора»³³.

Сходных взглядов придерживались кардинал П. Иовий (1526 г.), немецкий гуманист В. Пиркгеймер, астроном и географ И. Боемус, а также автор «Вандалии» А. Кранц (1519 г.)³⁴. Особую популярность роксоланская концепция происхождения русских получила в Польше, где она отлично сочеталась с выдвинутым еще Я. Длугошем предположением о том, что предками сла-

³¹ Эверс Г. 1825, 198, 350; *Aeneae Sylvii*. 1717, 115.

³² Кудрявцев А.Н. 1998, Прим. 36.

³³ Кудрявцев А.Н. 1998, 17.

³⁴ Иовий П. 1836, 27; Кудрявцев А.Н. 1998, Прим. 33; Мильников А.С. 1999, 45.

вян являются сарматы (роксоланы же, согласно античным географам, – сарматский народ). Профессор Краковского университета М. Меховский в своем «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.), касаясь географии земель, лежавших к востоку от Польши, писал, что «первой... перед нами лежит Руссия, некогда называвшаяся Роксоланией»³⁵. М. Стрыйковский (чье сочинение являлось источником для «Синописа») поддерживал отождествление Волатераном роксолан и русских³⁶.

В первой половине XVIII в. роксоланская версия оставалась достаточно популярной в ученом мире Европы. Она встречалась и в географических сочинениях, таких, например, как выпущенное в 1701–1706 гг. «Представление о древних странах или полная география» Христофора Целлария³⁷, где указывалось, что «слово роксоланы составлено из слов россы и аланы»³⁸. В 1729 г. и в 1731 г. в диссертациях, изданных в Дрездене и Лейпциге, немецкий историк и филолог И.-Х. Шеттген пытался доказать, что русские происходят от роксолан³⁹. Роксоланская версия содержалась в обобщающих и справочных изданиях таких, как достаточно популярная в Европе «Всеобщая история с древнейших времен до настоящего времени», издаваемая Лондонским королевским обществом с 1736 г. (в России была известна М.В. Ломоносову в немецком переводе). Там среди народов, покоренных Митридатом, указывались «роксоланы, от которых ныне выводят русских или московитов»⁴⁰. Значимость роксоланской версии подтверждается и тем, что в первых своих статьях ее разделял Г.З. Байер⁴¹.

³⁵ Меховский М. 1936, 94.

³⁶ Strykowski M. 1846, 110.

³⁷ Cellarius Christophorus. 1701-1706.

³⁸ Ломоносов М.В. 1952, 46.

³⁹ Christianus Schoettgenius. 1731; Шлецер А.Л. 1809, рмд; Миллер Г.Ф. 2006, 369-370.

⁴⁰ Ломоносов М.В. 1952, 554.

⁴¹ Bayer T.S. 1728, 398.

Отсюда понятнее становится, почему в поздних работах Г.Ф. Миллер обратился к роксоланской концепции. Дело было, вероятно, не только в том, что Миллер усвоил урок, преподанный ему решением Академической канцелярии (уничтожение речи и отставка с поста ректора Академического университета), но и в том, что Миллер не смог полностью отказаться от столь влиятельно мнения. Обнаружив в «Равеннском географе» (компилятивном географическом сочинении VIII в.) имя роксолан на побережье Балтики, Миллер согласился, что роксоланы действительно могли быть оттуда призваны новгородцами (подобное мнение высказывал ранее М.В. Ломоносов)⁴². При этом роксолан Миллер считал германцами.

В исторической науке XX в. на первый план в дискуссии Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова стали выдвигать вопрос о происхождении древнерусской государственности. Л.С. Клейн указывает, что в качестве основного в концепции Миллера выступает тезис о том, что «древнерусское государство и его культура созданы не самими восточными славянами, а норманнами»⁴³. Считалось, что именно здесь М.В. Ломоносов нанес главный удар по «норманнской теории», верно указав на решающее значение внутренних факторов в историческом развитии. Заслуга М.В. Ломоносова в том, отмечал М.А. Алпатов, что «он первый подошел к коренному вопросу всей проблемы – вопросу об уровне развития восточнославянского общества, о переходе от родового строя к государству». Из наблюдений М.В. Ломоносова, по мнению М.А. Алпатова, «вытекало, что славяне прошли стадию родового строя и уже далеко продвинулись в своем общественном развитии»⁴⁴.

Однако мыслил ли вообще М.В. Ломоносов такими категориями как «родовой строй»? И обсуждался ли в дискуссии вопрос о происхождении государства? Точнее, ви-

⁴² Миллер Г.Ф. 1773, 110.

⁴³ Клейн Л.С. 2009, 19.

⁴⁴ Алпатов М.А. 1985, 41-42.

димо, будет говорить, что спор шел не о государстве в смысле набора определенных институтов, а о происхождении власти у восточных славян, об этнической принадлежности первых правителей и об их статусе.

Институциональное представление о государстве еще только закладывалось в европейской науке того времени. Как указывал Кв. Скиннер, лишь в конце XVII в. в работах Т. Гоббса государство становится полноценным актором и отделяется от личности государя⁴⁵. В российском интеллектуальном пространстве слово «государство» приобретает самостоятельное значение в петровскую эпоху (на Полтавском поле Петр призывает сражаться «не за Петра, а за государство Петру врученное»⁴⁶), но в то время государство было, скорее, синонимично «отечеству», либо, если речь шла об иностранных государствах, то ближе всего было понятие «страна». Именно в таких качествах понятие «государство» употреблено в речи Г.Ф. Миллера⁴⁷.

В последнее время в историографии принято отмечать, что происхождение государства историки XVIII в. понимали не как процесс, а как событие, связанное с появлением верховной власти, князя, династии⁴⁸. Однако внимание М.В. Ломоносова к внутренним процессам, протекавшим в восточнославянском обществе и в политической сфере, на самом деле имело место. Но если постараться изобразить это внутреннее политическое состояние словами Ломоносова, то получится схема, не вполне уместяющаяся в классические представления советской историографии о Ломоносове, как об историке демократического направления. Ломоносов действительно «указал на внутренние силы, собственные русскому народу, которые дали ему возможность без посторонней помощи подняться из "небытия"

⁴⁵ Скиннер Кв. 2002, 44-58.

⁴⁶ Хархордин О. 2002, 177-178.

⁴⁷ Миллер Г.Ф. 2006, 366, 367, 388, 390.

⁴⁸ Артемьева Т.В. 1998, 47.

и встать во весь свой исполинский рост...»⁴⁹, но зрелость эта заключалась по Ломоносову в наличии самодержавного правления.

Согласно мнению М.В. Ломоносова, среди роксолан (т.е. славян, носивших имя *русь*), переселившихся в Прибалтику, «произошли великие споры» от того, что их «народ... весьма размножился». Тогда, по объявлению Ломоносова, к согражданам обратился знатный муж Вейдевут, имя которого и слова речи Ломоносов позаимствовал из сочинения прусского историописателя XVII в. М. Претория. Вейдевут будто бы сказал, что в народе должен быть один владетель, «прочие внимают послушно». «Назначьте себе государя, – призывал Вейдевут, – пусть он судит наши распри, отвращает обиды и убийства, защищает правду и печется о всеобщей безопасности..., дайте ему полную власть живота и смерти над всеми». После этих слов, народ выбрал Вейдевута королем «для знатности и разума его». «Вейдевут принял на себя притом чин верховного жреца, положил в народе порядок, и в будущия времена узаконил, что бы после смерти его наследник был в летах престарелых, сановит благочестием, и знающий дела священные»⁵⁰. Таким образом, варяго-россы отличались от прочих славян монархической формой правления. Им надлежало сыграть важную роль в славянской истории, поскольку для приведения прочих славян «под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым народом, приобыкшим добровольно повиноваться, каков был Рурик с варягами россами»⁵¹.

Совершенно по-иному М.В. Ломоносов описывал политические отношения других славянских племен. «Славяне жили обыкновенно семьями рассеяно, общих государей и города редко имели», даже Кий, Щек и Хорив, хоть и «были по случаю особливою знатности или

⁴⁹ Мавродин В.В. 1949, 10.

⁵⁰ Ломоносов М.В. 1766, 49.

⁵¹ Ломоносов М.В. 1766, 54.

храбрости над оными главные повелители», не оставили потомства⁵². Следовательно, у других славян было общенародное или демократическое правление.

Парадоксально, но в оценке состояния политической сферы общества новгородских славян к моменту призвания варягов Г.Ф. Миллер стоял близко к М.В. Ломоносову. Миллер не отрицал, как на это иногда указывали, наличие властных институтов у славян. Согласно Миллеру в Новгороде «правление было демократическое, причем Гостомысл честный и благоразумный муж пред другими отменную власть имел». Однако Миллер не соглашался с «Новгородским летописцем» (НПЛ), согласно которому Гостомысл был князем. «Новгородский летописец» – источник поздний, в Несторовой же летописи ничего о княжеском достоинстве Гостомысла нет. «Нестор называет Гостомысла старейшиною, – писал Миллер, – а тогда и другие славянские народы такими же старейшинами были управляемы, по свидетельству греческаго императора Константина Багрянородного». В итоге Миллер приходил к выводу, что «новгородцы были без владетелей», т.е. без князей, но не без власти вообще, «пока варягов для принятия княжения назад не призвали»⁵³. Таким образом, уровень развития восточнославянского общества определялся не развитием институтов, а скорее, титулатурой правителя, в чем можно усмотреть логику монархической эпохи, когда в титуле было выражено и достоинство государя, и масштабы его власти.

Это обстоятельство позволяет лучше понять, в чем заключалось, по мнению М.В. Ломоносова, оскорбление, нанесенное Г.Ф. Миллером русскому народу. Дело в том, что, назвав славянских вождей «старейшинами», Миллер в то же время именовал скандинавских правителей царями. Причем эти цари, по мнению Миллера, издревле повелевали восточными славянами. Отталкива-

⁵² Ломоносов М.В. 1766, 53-54.

⁵³ Миллер Г.Ф. 2006, 396.

ясь от сообщения летописи о варяжском господстве над словенами и кривичами, Миллер для реконструкции этого господства привлекал в качестве источника скандинавские саги Саксона Грамматика. «Деяния данов» Саксона, написанные на латинском языке в конце XII в., рассказывали историю Дании с древнейших времен. Значительное место в них отведено походам датских правителей на восток. Личности этих правителей легендарны либо вообще полностью вымышлены Саксоном, а регион, в который они совершали походы и над которым господствовали, он называет Русью (*Ruscia* либо *Ruthenia*)⁵⁴. Г.Ф. Миллер некритически воспроизводит эти сведения Саксона, оговариваясь, правда, что «мы... имя России употребляем о первейших временах, когда об оном еще не знали, не для того, чтоб кто заключал, что и тогда было уже оно в употреблении, но для лучшего вразумения о каких землях мы говорим»⁵⁵.

По-видимому, доверие Миллера к сагам Саксона Грамматика (которые он характеризовал как «сказки» в поздних своих работах) обусловлено не только стремлением привнести скандинавскую историю на славянскую почву. Г.Ф. Миллер мог поддаться общей для XVIII в. тенденции удревнения догосударственного периода истории восточных славян. В этом Миллер поступал в сущности так же, как и Ломоносов, с той разницей, что доверился не новгородским источникам XVII в. и не Степенной книге, а аутентичным, на его взгляд, скандинавским текстам.

Суммарно пересказ саг Саксона занимает в речи Г.Ф. Миллера ½ объема. Понятия *tyrannus* и *rex*⁵⁶, использованные Саксоном, Г.Ф. Миллер перевел как «царь». Вот почему в этой части упомянуты «российский царь» Троннон, «царь российской» Герравд, три российских царя Олимар, Енев, Даг, «российский царь»

⁵⁴ *Saxo Grammaticus*, 1979.

⁵⁵ Миллер Г.Ф. 2006, 380.

⁵⁶ *Saxo Grammaticus. Gesta Danorum.* URL: <http://norse.ulver.com/src/other/saxo/> 14.11.2012.

Бой, воевавший «в отмщение брата своего Балдера, славного у датчан героя». Все эти правители, согласно Миллеру, должны были царствовать в I – V вв. Таким образом, Миллер делал вывод о том, что в древние времена скандинавы «победоносным оружием покорили себе Россию, или лучше сказать Австрию, Острогардию, Гардарикию, Голмгардию, Хунигардию, Гунниландию, которыми именами тогда наши земли от соседственных народов назывались, не зная еще тогда о российском имени»⁵⁷. Всю эту часть, по мнению М.В. Ломоносова, «должно было автору почти без остатку выкинуть»⁵⁸.

Разумеется, для М.В. Ломоносова существенным было и то, что славяне оказывались в речи Г.Ф. Миллера объектом скандинавского завоевания (часто цитируют слова Ломоносова о том, что в речи Миллера «на всякой почти странице русских быют... скандинавы побеждают»)»⁵⁹. Однако в том, что касается оценки общественного развития новгородцев, Ломоносов и Миллер были близки.

Таким образом, если рассмотреть дискуссию Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова с позиции интеллектуальной истории, то можно выявить несколько ключевых для середины XVIII в. тематик, которые определяли предмет спора. Во-первых, это поиски происхождения этнонима *русь*. Этнонимическая тематика была характерна для всей историографии этой эпохи, выяснение истоков народного имени обычно тесно сочеталось с установлением истории этого народа. Вторая тематика касалась источника верховной власти. Точнее, вопроса о том, откуда появилась верховная власть и кто ее легитимизировал. Для России этот вопрос стал особенно важным, поскольку призвание князей описано в летописях достаточно туманно, что допускало множественные толкования. Можно сказать, что Ломоносов и Миллер плохо понимали друг друга, поскольку для них этот

⁵⁷ Миллер Г.Ф. 2006, 378-379, 381, 382, 385.

⁵⁸ Ломоносов М.В. 1952, 39.

⁵⁹ Ломоносов М.В. 1952, 21.

спор шел о принципиальных вещах. Набор дискурсов также был единым. Говоря о названии народа они обращались к различным созвучным словам, не имея еще возможности доказать свои взгляды с помощью методов научной исторической лингвистики. Другой важный момент для диспутантов – опора на античные источники, поиски корней народа в античную эпоху. Это тенденция была характерна для европейской и польской историографии в XV–XVII вв., в России она расцвела в первой половине XVIII в. (хотя можно указать и более ранние попытки проследить античную историю русских). Обсуждение форм правления для Древнейшей Руси также шло с опорой на античную мысль, в этом случае – политическую. Другие дискурсы не менее важные для двух ученых – это дискурсы славности истории народа и древности его истории. Отсюда такой яростный спор именно по поводу дорюриковой истории Руси. Была ли она славной? Ломоносов считал, что да, это был славный период в истории русского народа; Миллер полагал, что в тот период Россией владели скандинавы.

В то же время были и существенные отличия в подходе Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова к дискурсам и трендам. В особенности это касалось работы с античным наследием. Миллер отверг все предыдущие концепции происхождения русского имени и, опираясь на изыскания Г.З. Байера, предложил собственную концепцию происхождения имени *русь* от финского названия Швеции. Разумеется, новая концепция, как и все новое, не обладала достаточным авторитетом. Это делало атаку на нее со стороны Ломоносова и других ученых Академии (на самом деле, почти все они выступили против Миллера) более легкой. В итоге Миллер почел за лучшее от этой концепции отказаться.

Литература

- Bayer T.S. 1741: *Origines Russicae* // *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. VIII, 388-436.
- Saxo Grammaticus. 1980: *The History of the Danes* / Hilda Ellis Davidson (editor). Cambridge.
- Saxo Grammaticus. *Gesta Danorum*. URL: <http://norse.ulver.com/src/other/saxo/>
- Strykowski M. 1846: *Kronika Polska, Litewska, Zmódzka*. Warszawa.
- Алпатов М.А. 1985: *Русская историческая мысль и Западная Европа XVIII – первая половина XIX в.* М.
- Байер Г.З. 1767: *Сочинение о варягах автора Феофила Сигефра Беэра, бывшего профессора восточной истории, и восточных языков*. СПб.
- Белявский М.Т. 1961: М.В. Ломоносов и русская история // *Вопросы истории*. 11, 91-106.
- Дмитриева Р.П. 1955: *Сказание о князьях владимирских*. М.; Л.
- Забелин И.Е. 1876: *История русской жизни*. Ч. I. М.
- Иовий П. 1836: Книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем // *Библиотека иностранных писателей о России*. I, СПб. 1-93.
- Каменский А.Б. 1989: Академик Г.Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII в. // *История СССР*. 1, 144-159.
- Карамзин Н.М. 1818: *История государства российского*. СПб.
- Клейн Л.С. 2009: *Спор о варягах: История противостояния и аргументы сторон*. СПб.
- Кудрявцев А.Н. 1998: *Трактат Иоганна Фабри «Религия москвитов»* // *Россия и Германия*. Вып. 1. М.
- Куник А.А. 1878: *Замечания (по поводу критики г. Фортинского)* // *Записки АН*. 33, 652-655.
- Ломоносов М.В. 1766: *Древняя Российская история*. СПб.
- Ломоносов М.В. 1952: *Полное собрание сочинений*. Т. 6. М.; Л.
- Маверодин В.В. 1949: *Борьба с норманизмом в русской исторической науке*. Л.
- Маловичко С.И. 2010: Спор М. В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера как конфликт разных историографических культур // *Imagines Mundi*. Екатеринбург, 283-297.
- Мельникова Е.А. 2009: *Ренессанс средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке* // *Родина*. 3, 56-58. 5, 55-57.

- Миллер Г.Ф.* 1773: О народах издревле в России обитавших. СПб.
- Миллер Г.Ф.* 2006: О происхождении имени и народа российского // Фомин В. В. Ломоносов. М., 366-398.
- Милюков П.Н.* 1898: Главные течения русской исторической мысли. М.
- Мошин В.А.* 1931: Варяго-русский вопрос // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. X, 109-136, 343-379, 501-537.
- Мыльников А.С.* 1999: Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности. СПб.
- Петрей П.* 1867: История о великом княжестве Московском. М.
- Пеитич С.Л.* 1965: Русская историография XVIII в. Т. 2. Л.
- Повесть временных лет.* 2007: СПб.
- Савельев-Ростиславич Н.В.* 1845: Славянский сборник. СПб.
- Скиннер Кв.* 2002: The State // Понятие государства в четырех языках. СПб., 12-74.
- Шаскольский И.П.* 1967: Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 128-176.
- Шлецер А.Л.* 1809: Нестор. СПб.
- Эверс Г.* 1825: Предварительные критические рассуждения о русской истории. М.